

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ. Выпуск 2. Мемориальный сборник материалов и исследований в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора Владимира Никифоровича Станко / Отв. ред. А.А. Пригарин. – Одесса: СМІЛ, 2012. – 644 с.

Ответственный редактор:

кандидат исторических наук, доцент *А.А. Пригарин*

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук, доцент *А.И. Ганчев*

кандидат исторических наук *Д.В. Киосак*

кандидат политических наук, доцент *С.В. Коч*

кандидат исторических наук *Г.Н. Стоянова*

Редакционный совет:

Е.А. Бачинская – доктор исторических наук, профессор,

И.С. Гребцова – доктор исторических наук, профессор,

А.И. Киссе – доктор политических наук,

В.А. Колесник – доктор филологических наук, профессор,

В.И. Наулко – член-корреспондент НАН Украины,
доктор исторических наук, профессор,

Рецензенты:

Н.Д. Руссев – доктор исторических наук, профессор,

А.А. Скрипник – академик НАН Украины,
доктор исторических наук, профессор

В данный сборник вошли результаты исследований друзей, коллег и учеников профессора Владимира Никифоровича Станко. Издание подготовлено в память об этом Человеке и приурочено к его 75-летию. Открывают сборник материалы мемуарно-биографического характера. Затем следуют работы, которые тематически представляют направления научных интересов ученого – археология, этнология, история и историография. Широкая хронологически и географически проблематика статей должна вызвать интерес среди специалистов разных дисциплин и академических центров.

Новые материалы к вопросу о целях повторного проникновения в катакомбные захоронения населения салтовской культуры Подонцовья

Основным типом погребального сооружения аланского населения салтовской культуры Подонья, как свидетельствует более чем столетняя история исследования раннесредневековых могильников региона, является катакомба¹. Катакомбы аланского населения расположены на склонах балок или яров и, как правило, ориентированы по их склонам, в соответствии с древним рельефом местности. Классическая салтовская катакомба состоит из узкого и длинного входного коридора – дромоса, и погребальной камеры, вырытой в торцевой стенке дромоса, расположенной выше по склону. В начальной части дромоса в большинстве случаев фиксируется несколько ступенек, количество которых зависит от длины, а, следовательно, и глубины входного коридора². Работы последних лет на Верхне-Салтовском археологическом комплексе, проводимые совместной экспедицией Харьковского исторического музея и историческим факультетом Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина, позволили сделать ряд интересных наблюдений.

Так, в целом ряде погребальных сооружений могильника были зафиксированы в ближнем к погребальной камере конце дромоса четко фиксировавшиеся пятна хода повторного проникновения в захоронения². Расположенная ниже по склону часть пятна дромоса имела в плане форму вытянутого прямоугольника и представляла собой его, не потревоженную последующим перекопом, начальную часть. Заполнение начальной части дромоса во всех случаях было достаточно однородным и состояло из чистого суглинка, вследствие чего оно лишь незначительно отличалось по цвету от материка. Какие-либо вещевые находки для этой части дромоса не характерны. При вскрытии этой не потревоженной части заполнение легко отслаивалось от ровных, тщательно исполненных боковых стенок дромоса, которые с глубины 1,3 - 1,5 м от современной поверхности почвы достаточно хорошо фиксировались по белесоватому налету – результату жизнедеятельности каких-то микроорганизмов, живущих в глине. Длина не потревоженной части дромоса в исследованных нами захоронениях составляла от 1/2 до 2/3 общей его длины.

Ход повторного проникновения в погребальную камеру располагался выше по склону, возле погребальной камеры. На уровне обнаружения он имел в плане

¹ Покровский А.М. Верхне-Салтовский могильник // Труды ХП АС. – М., 1905. – Т. 1. – С. 466–468; Шрамко Б.А. Древности Северского Донца. – Харьков, 1962. – С. 278–280; Плетнева С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. – 1967. – № 146. – С. 72–91; Флеров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник) // Материалы и проблемные исследования по древней и средневековой археологии Восточной Европы. – Волгоград, 1993. – Вып. 1. – С. 6–14.

² Общая тенденция проявляется в том, что чем длиннее дромос, тем он глубже. Количество ступенек в начальной части дромоса колеблется от двух до четырнадцати. В последнем случае глубина дромоса может достигать 4–5 м от уровня современной поверхности почвы.

² Аксенов В.С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках салтово-маяцкой культуры // РА. – 2002. – № 3. – С. 98–99.

эллипсоидную, каплевидную или грушевидную форму, а ширина его несколько превышала наибольшую ширину не потревоженного дромоса. Заполнение хода повторного проникновения отличалось от материка и заполнения начальной части дромоса своим более темным цветом, составом, плотностью. Оно состоит из слоев перемешанного грунта (с преобладанием чернозема), имевших общий наклон в направлении камеры. В заполнении на разных глубинах встречаются древесные угольки, фрагменты салтовской кухонной и столовой керамики. Иногда в засыпке хода повторного проникновения находились целые скелеты или части домашних животных (коза-овца) (№ 14, 18 РМ), отдельные вещи (сосуды, ножи, детали поясной гарнитуры, отдельные личные украшения). По плотности заполнение хода повторного проникновения более рыхлое, чем утрамбованное первоначальное заполнение дромоса, за исключением тех случаев, когда оно состоит из затечного грунта. В последнем случае оно очень плотное и вязкое. Стенки хода повторного проникновения неровные, наклонные и лишь у входа в погребальную камеру совпадают с первоначальными стенками дромоса. Границей между вторичным и первоначальным заполнением дромоса часто служил слой достаточно плотного, натоптанного грунта, иногда с вкраплениями древесных уголков, концентрация которых возрастает по мере приближения ко входу в камеру. В идеальном случае дно хода повторного проникновения дополнительно фиксируется по лежащему на нем каменному или деревянному закладу³.

Иногда на дне дромоса, у входа в погребальную камеру, лежали железные черешковые ножи⁴. Во всех отмеченных случаях они, возможно, исполняли роль своеобразных оберегов, ибо были направлены острием в сторону погребальной камеры и должны были служить дополнительным препятствием на пути мертвеца к выходу. Применение острых железных предметов в качестве своеобразных оберегов отмечено исследователями и на других катакомбных могильниках региона⁵.

Сами камеры на высоту входа были заполнены грунтом, соответствующим своей слоистостью и составом заполнению хода повторного проникновения. В слоях этого мешаного грунта, также, как и в слоях хода повторного проникновения, встречались мелкие древесные угольки, фрагменты салтовской столовой керамики, отдельные вещевые находки и разрозненные кости человеческого скелета⁶. В некоторых случаях, это слоистое заполнение камеры было сверху перекрыто пластом чистой материковой глины, иногда довольно мощным, – результатом обвалов свода погребальной камеры. В слоях рухнувшей со свода камеры глины какие-либо находки отсутствуют.

В исследованных катакомбных захоронениях Верхне-Салтовского IV могильника (ВСМ-IV) и Рубежанского катакомбного некрополя (РМ) были отмечены разнообразные способы обезвреживания погребенного человека: отделение черепа (№ 17 РМ, № 30 ВСМ-IV)⁷; разрушение грудной клетки, рук с

³ Аксенов В.С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках ... – Рис. 1: 1; 2; 3; 5; 3; 8; 1.

⁴ Аксенов В.С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках ... – С. 99; Колода В.В. Исследования раннесредневековых катакомбных погребений близ с. Верхний Салтов в 1996 г. // Хазарский альманах. – Киев – Харьков, 2004. – Т. 3. – С. 216.

⁵ Плетнева С.А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. – М., 1989. – С. 192.

⁶ Аксенов В.С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках ... – С. 99.

⁷ Аксенов В.С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках ... – Рис. 2: 4; 9: 2.

отбрасыванием черепа (№ 14–16 РМ, № 28, 31, 37, 39, 44–46 ВСМ-IV)⁸; полное разрушение скелета с разбрасыванием костей по полу камеры (№ 18 РМ; № 33, 40–42, 48, 51 ВСМ-IV)⁹. Как и в захоронениях Маяцкого могильника¹⁰, были отмечены случаи изъятия из погребальной камеры при проведении обряда обезвреживания погребенного части костей скелета (кости грудной клетки, позвонки, кости таза)¹¹.

Однако, среди исследователей не существует единого мнения относительно целей повторного проникновения в захоронения, хотя после работ В.С. Флёров¹² большинство ученых и склоняется к признанию факта существования у аланского населения обрядов, направленных на обезвреживание погребенных. Часть археологов не склонны столь однозначно решать вопрос относительно погребений с преднамеренно разрушенными людскими костяками.

Работы 2011 года на Верхне-Салтовском могильнике показали, что не все подобные случаи следует однозначно связывать с проведением обряда обезвреживания погребенных (ООП) людей. В отдельных случаях речь, вероятно, может идти о преднамеренном осквернении/ограблении захоронений.

Очень интересным с этой точки зрения является исследованная в 2011 году катакомба № 109. Катакомба № 109 была выявлена по пятну дромоса на глубине 1,15 м (восточный край) – 0,7 м (западный край) от уровня современной поверхности почвы, которое было ориентировано по склону Капиносского оврага по линии восток – запад с минимальным отклонением восточного конца к северу (азимут 86°). На уровне обнаружения пятно дромоса выделялось цветом и пластичным характером своего заполнения на фоне красно-коричневой материковой глины. Пятно дромоса в плане имело «булавовидную» форму из-за наличия в восточной оконечности дромоса хода повторного проникновения в погребальную камеру (Рис. 1). Общая длина пятна дромоса по уровню зачистки составляла 5,75 м. Ход повторного проникновения, расположенный в восточной части пятна дромоса, имел в плане каплевидную форму. Длина хода повторного проникновения составляла 2,12 м, максимальная ширина (в восточной части пятна) – 1,35. Длина начальной, не потревоженной позднейшими перекопами, западной части дромоса равнялась 3,63 м, при ширине 0,38–0,52 м. Эта не потревоженная позднейшими перекопами часть дромоса имела в плане форму сильно вытянутого прямоугольника. Заполнение начальной (западной) части дромоса по цвету лишь немного отличалось от окружающего материка (светло-коричневой глины). Оно состояло из материковой глины, смешанной с незначительным количеством чернозема. В нем встречались мелкие меловые конкреции. В верхних слоях заполнения этой части дромоса были обнаружены три невыразительных фрагмента салтовской керамики (вероятно, попавшие в заполнение дромоса из культурного слоя могильника).

⁸ Аксенов В.С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках ... – Рис. 1: 3; 2: 2; 3: 1, 4; ; 4; 5: 2; 8: 2; 9: 4.

⁹ Аксенов В.С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках ... –Рис. 4: 2; 5: 4; 6: 2, 4; 7: 2, 3.

¹⁰ Флёров В.С. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник) ... – С. 46.

¹¹ Аксенов В.С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках ... – Рис. 2: 1; 4: 2, 4; 6: 2, 4; 7: 3; 8: 4.

¹² Флёров В.С. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII веков: обряд обезвреживания погребенных. – М., 2000; Флёров В.С. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н.э. – IV в. н.э. и Восточной Европы в IV в. до н.э. – XIV в. н.э. – Москва, 2007.

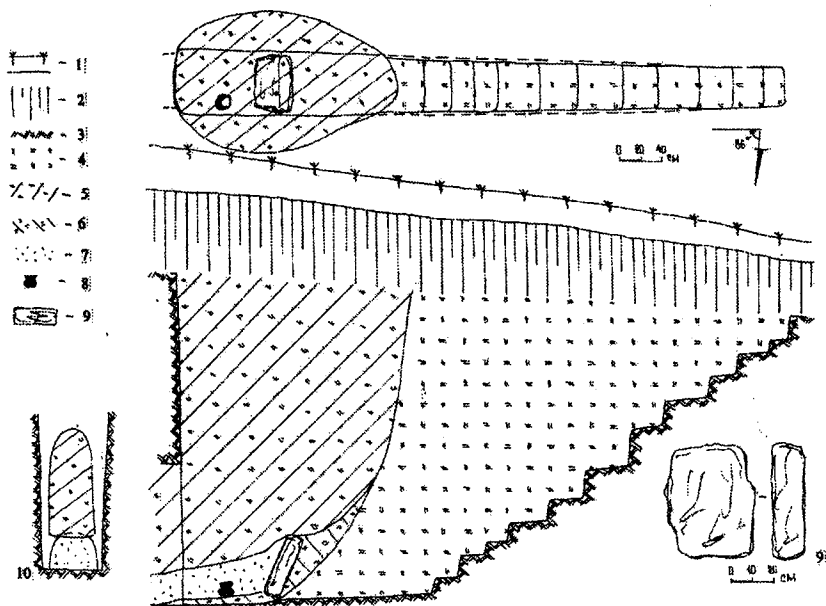

Рис. 1. Дромос катакомбы № 109. 1 – дерн, 2 – чернозем, 3 – материк (глина), 4 – первоначальное заполнение дромоса, 5, 6 – слоистое заполнение хода повторного проникновения в погребальную камеру, 7 – светло-зеленая глина, 8 – кружка, 9 – каменный заклад, 10 – входы-лазы (№ 1 и № 2) в погребальную камеру.

Заполнение хода повторного проникновения достаточно хорошо выделялось на фоне окружающего материка своим светло-серым, а местами темно-серым и даже черным заполнением. В поперечном разрезе заполнение хода повторного проникновения представляло собой слоистую структуру, образованную чередующимися между собой пластинами чистой материковой глины светло/тёмно-рыжего цвета, пластинами материковой глины перемешанной, в одних случаях, с большим, в других – с меньшим количеством чернозема. Из-за разной примеси чернозема цвет одних слоев был светло-серый, других – темно-серый, и даже черный. В слоях заполнения, содержащих примесь чернозема, встречались отдельные мелкие древесные угольки. Все слои заполнения хода повторного проникновения в погребальную камеру в поперечном сечении имели видимый прогиб в сторону дна дромоса, а в продольном разрезе – наклон в сторону восточной торцевой стенки дромоса. При этом по толщине слоев заполнения хода повторного проникновения в камеру было видно, что он засыпался с южной стороны дромоса (справа по ходу дромоса). Особенностью заполнения хода повторного проникновения в данном случае было то, что на глубине -3,6–4,0 м от уровня современной поверхности почвы у восточной торцевой стенки дромоса был зафиксирован пласт светло-зеленой комковатой глины толщиной 0,3–0,35 м. Данный пласт грунта перекрывал расстояние между отброшенным от входа в

камеру на дно входа повторного проникновения каменным закладом и восточной торцевой стенкой дромоса. В этом слое заполнения у северной боковой стенки дромоса на расстоянии 0,35 м от торцевой стенки стояла салтовская кружка (Рис. 4: 1). Венчик сосуда был зафиксирован на глубине -4,05 м от уровня современной поверхности почвы. Под слоем светло-зеленой комковатой глины залегала бурая материковая глина с незначительной примесью чернозема. Именно на этом грунте и стояла обнаруженная салтовская кружка. Толщина слоя бурой глины составляла 0,05 м у восточной стенки дромоса и 0,12 м у отброшенного каменного заклада. Под этим слоем заполнения уже находилось дно дромоса, которое фиксировалось на глубине -4,1 м от уровня современной поверхности почвы. Ширина дромоса по дну у входа в погребальную камеру составляла 0,56 м.

Каменный заклад, отброшенный от входа в погребальную камеру, представлял собой массивную плиту песчаника подпрямоугольной в плане формы размером 0,56 х 0,35 – 0,42 х 0,16 м (Рис. 1: 9). Каменный заклад стоял под углом около 70° по отношению к дну дромоса. Его верхний край был зафиксирован на глубине -3,5 м от уровня современной поверхности почвы, а нижний край – на уровне -4,1 м. Верхний край камня находился на расстоянии 1,0 м от восточной торцевой стенки дромоса, тогда как нижний край – на расстоянии 0,76 м. Камень заклада опирался на останец заполнения хода повторного проникновения в камеру, представляющего собой буро-рыжую материковую глину с незначительной примесью чернозема. Такой же по составу слой грунта (толщиной 0,05 – 0,12 м) лежал на дне дромоса между каменным закладом и восточной торцевой стенкой, непосредственно под слоем светло-зеленой глины.

Дно дромоса было комбинированным (Рис. 1). В западной (начальной) его части было зафиксировано одиннадцать ступеней. От последней ступеньки дно дромоса под значительным наклоном (угол наклона 1–2°) спускалось ко входу в погребальную камеру. Первая ступенька была зафиксирована на -0,2 м ниже уровня фиксации пятна дромоса (на глубине -0,95 м от уровня современной поверхности почвы). Размеры (длина / высота) ступенек следующие: первой – 0,17 / 0,1 м; второй – 0,28 / 0,2 м; третьей – 0,25 / 0,2 м; четвертой – 0,4 / 0,22 м; пятой – 0,3 / 0,36 м; шестой – 0,4 / 0,26 м; седьмой – 0,3 / 0,14 м; восьмой – 0,34 / 0,17 м; девятой – 0,18 / 0,17 м; десятой – 0,2 / 0,25 м; одиннадцатой – 0,14 / 0,14 м. Все ступеньки имели небольшой наклон в сторону восточной торцевой стенки дромоса (как бы сбитые). Дромос в начальной его части расширяется ко дну. Ширина дромоса по дну в западной его части составляет 0,42 м, в восточной части – 0,56 м. Глубина дромоса у входа в погребальную камеру составляет -4,1 м.

В восточной торцевой стенке дромоса четко читались два входа-лаза в погребальную камеру: верхний (№ 2) и нижний (№ 1) (Рис. 1: 10). Заполнение этих входов отличалось друг от друга, как цветом, так и структурой заполнения. Нижний вход в камеру (№ 1) был заполнен светло-зеленой комковатой глиной, с вкраплениями мелких меловых конкреций. Он имел арковидную в плане форму, его дно совпадало с дном дромоса. Его размеры: высота 0,34 м, ширина 0,44 м. От северной боковой стенки дромоса он отстоял на расстоянии в 7 см, от южной боковой – на расстоянии 3 см. Верхнюю часть входа в камеру № 1 прорезал вход № 2. Его дно располагалось на высоте +0,32 м от дна дромоса. Заполнение этого входа в камеру, в отличие от заполнения входа в камеру № 1, состояло из темно-коричневой по цвету материковой глины с незначительной примесью чернозема. Вход в камеру № 2 так же имел арковидную в плане форму, но отличался от входа № 1 своими размерами. Его высота составляла 1,03 м, а ширина 0,42 м.

Данный вход находился на расстоянии в 7 см от северной и южной боковых стенок дромоса. Глубина обоих входов-лазов погребальную камеру составляла 0,45 – 0,47 м. Интересно, что заполнение нижних слоев хода повторного проникновения в погребальную камеру совпадало со специфическим заполнением входов-лазов № 1 и № 2.

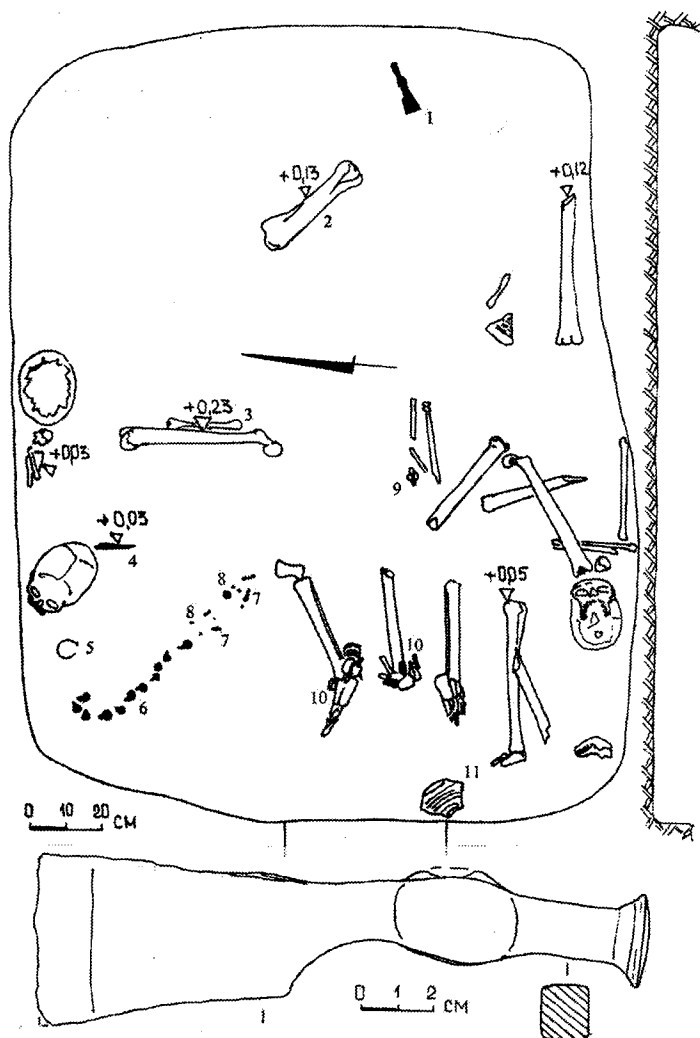

Рис. 2. План погребальной камеры катакомбы № 109. 1 – топорик-чекан; 2 – кость КРС, 3 – кость МРС; 4 – нож; 5 – браслет; 6 – штампованные пуговицы; 7 – спиралевидные пронизи; 8 – бусы; 9 – щитковый перстень; 10 – обувные пряжки; 11 – фрагмент столового сосуда.

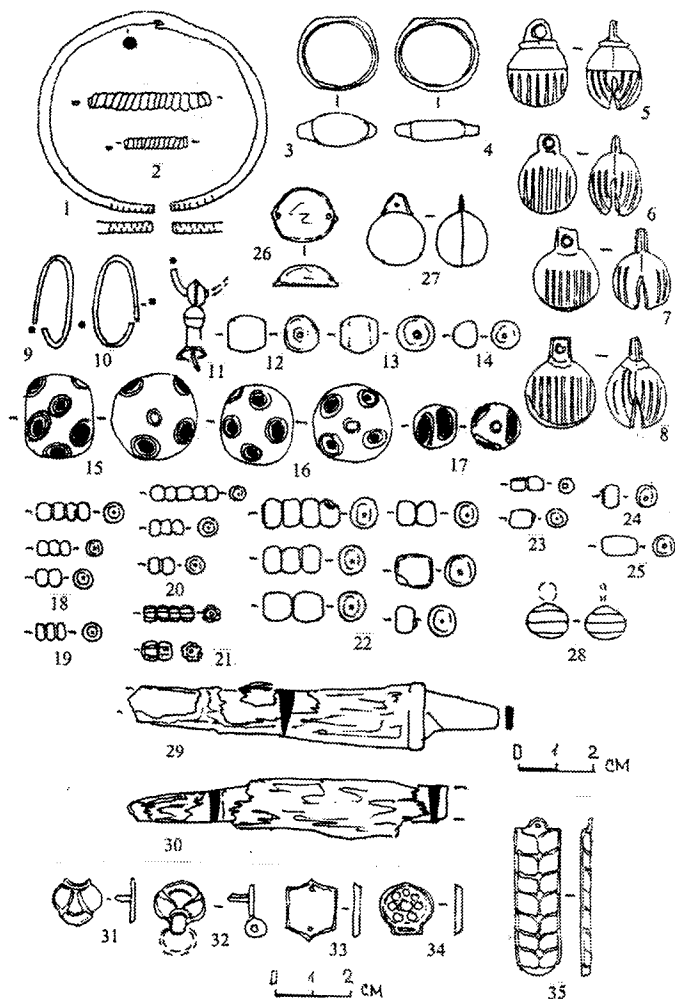

Рис. 3. Инвентарь катакомбы № 109. 1 – браслет; 2 – спиралевидные пронизи; 3, 4 – щитковые перстни; 5 – 8 – литые бубенчики; 9 – 11 – серьги; 12 – 25 – бусы; 26 – бляшка-нашивка; 27, 28 – пуговицы; 29, 30 – ножи; 31 – 34 – поясные бляшки; 35 – наконечник пояса. 1 – 11, 26 – 28, 31 – 35 – бронза; 12 – 14 – сердолик; 15 – 25 – стекло; 29, 30 – железо.

Оба входа вели в погребальную камеру, которая была продольной по отношению к дромосу. Камера в плане имела форму прямоугольника с закругленными углами (Рис. 2). Длина камеры составляла 2,28 м, ширина колебалась от 1,6 до 1,72 м. На момент исследования высота камеры в высшей своей точке составляло 1,7 м.

В камере было произведено коллективное захоронение. В ней находились останки трех человек (мужчины, женщины и подростка). Анатомический порядок костяков был нарушен, большинство костей скелетов (ребра, позвонки, тазовые кости, лопатки) отсутствовали. Некоторые крупные трубчатые кости (берцовые кости мужского костяка) имели следы преднамеренного слома, совершенно в древности. Часть костных останков располагалась в нижних слоях заполнения погребальной камеры на высоте от +0,03 до +0,23 м от пола камеры. Так, на отметке +0,13 м от пола, в 0,52 м от восточной и в 0,7 м от северной стенок камеры, были найдены остатки мясной жертвенной пищи в виде костей крупного рогатого скота (Рис. 2: 2). На отметке +0,23 м от пола – в 1,12 – 1,18 м от восточной и в 0,3 м от северной стенок камеры – находилась бедренная человеческая кость, лежащая перпендикулярно длинной оси камеры. Параллельно ей (ближе к восточной стенке камеры) на отметке +0,23 м от пола покоилась трубчатая кость мелкого рогатого скота (Рис. 2: 3). Вдоль южной боковой стенки камеры, на удалении 0,4 – 0,85 м от правого дальнего угла камеры – на отметке +0,12 м от пола – была зафиксирована еще одна бедренная человеческая кость, с обломанным в древности верхним концом (кость перевернута внутренней стороной вверх). На отметке +0,03 м от пола – параллельно северной боковой стенке, на удалении 0,75 м от левого ближнего угла камеры, лежали три плохо сохранившиеся кости человеческого скелета. На уровне +0,05 м от пола – на расстоянии 0,21 – 0,32 м от южной боковой стенки и в 0,22 – 0,43 м от западной стенки камеры была найдена большая берцовая кость человека с обломанными в древности обоими концами.

Остальные кости человеческих скелетов покоились на полу камеры, часть из них сохранила свое первоначальное положение. Большая берцовая кость правой ноги и кости ступни, большая берцовая кость левой ноги погребенного мужчины лежали по центру камеры, вдоль ее центральной оси (на удалении 0,37 м от входа в погребальную камеру). При этом малые берцовые кости обеих ног на своих местах отсутствовали, а стопа левой ноги подверглась разрушению. Большая и малая берцовые кости правой ноги, вместе с костями ступни, второго умершего человека лежали параллельно правой боковой стенки камеры. Эти кости располагались на удалении 0,28 м от передней торцевой стенки и в 0,49 м от правой (южной) стенки камеры. Большая и малая берцовые кости ноги, с частично сохранившимися свой анатомический порядок костями стопы, еще одного погребенного человека, находились на расстоянии 0,15 м от западной торцевой и в 0,31 м от южной боковой стенок камеры. Возможно, они были перемещены сюда из северной половины погребальной камеры.

Остальные немногочисленные кости человеческих скелетов были разбросаны по полу камеры. Череп женщины и подростка лежали на середине длины у левой боковой стенки камеры. Череп подростка лежал на удалении 0,81 м от левого дальнего угла камеры основанием вверх, и был обращен лицевым отделом в левый дальний угол камеры. В 0,34 м от него, ближе к левому ближнему углу камеры, покоился череп женщины. Он лежал на своем основании, и был развернут затылочными костями в правый дальний угол камеры. Череп мужчины покоился в 0,4 м от правого ближнего угла камеры. Он лежал основанием вверх и был обращен лицевыми костями в правый ближний угол камеры. Нижняя челюсть была отчленена от черепа и находилась в правом ближнем углу камеры. К востоку от черепа мужчины были обнаружены, сваленные в кучу, длинные кости одной руки, бедренная кость одной ноги, две большие берцовые кости ног с обломанными в древности концами, один позвонок. К северо-востоку

ку от этой кучи костей покоились кости предплечья правой руки одного из умерших и одна фаланга пальца с надетым на нее бронзовым перстнем (Рис. 2: 9; 3: 4). На расстоянии 0,25 м от правой боковой стенки и в 0,75 – 0,85 м лежала ключица и крестец.

На уровне пола погребальный инвентарь был представлен следующими вещами:

- на расстоянии 0,22 м от северной боковой стенки и в 0,67 м от западной торцевой стенки лежал железный черешковый нож (Рис. 3: 29);

- на расстоянии 0,1 м от восточной торцевой и в 0,48 м от южной боковой стенок камеры располагался железный топорик-чекан (Рис. 2: 1);

- в левом ближнем углу камеры (на удалении 0,15 м от него) был зафиксирован конгломерат из бронзовых штампованных пуговиц-бубенчиков (Рис. 3: 27), бронзовых штампованных полусферических бляшек-нашивок (Рис. 3: 26) и бронзовых спиралевидных пронизей (Рис. 3: 2), вытянувшихся цепочкой длиной около 0,65 м по направлению к правому дальнему углу погребальной камеры;

- возле человеческого черепа № 2, на расстоянии 0,08 м от него, лежал бронзовый проволочный браслет (Рис. 3: 1);

- вперемешку с бронзовыми пуговицами-бубенчиками встречались отдельные стеклянные (Рис. 3: 15 – 25) и сердоликовые (Рис. 3: 12 – 14) бусины, бронзовые спиралевидные пронизи (Рис. 3: 2) которые образовывали также цепочку длиной 0,7 – 0,8 м, протянувшуюся от левого ближнего угла камеры в сторону ее правого дальнего угла;

- в центральной части камеры были обнаружены беспорядочно разбросанными детали поясной гарнитуры (семь поясных бляшек и наконечник пояса) (Рис. 3: 31 – 35);

- на нижних концах больших берцовых костей ног мужчины были зафиксированы остатки кожаных обувных ремешков, снабженных бронзовыми проволочными пряжками;

- у входа в погребальную камеру был найден фрагмент придонной части салтовского столового сосуда с клеймом (пентаграмма в круге) на дне (Рис. 4: 2). Расположение и уровень залегания данного фрагмента сосуда указывает, что, вероятно, данный сосуд был разбит во время проведения обряда обезвреживания погребенных людей, при этом камера была свободна от грунта. Для катакомб Верхне-Салтовского IV могильника с наличием в восточной части дромоса хода повторного проникновения в погребальную камеру и нарушенным анатомическим порядком костяков характерно отсутствие в погребальных камерах целых керамических сосудов, которые, если судить по фрагментам керамики из заполнения, изымались из захоронений и преднамеренно разбивались¹³.

В нижних слоях заполнения погребальной камеры были также найдены: железный черешковый нож (Рис. 3: 30); бронзовый шитковый перстень (Рис. 3: 3); четыре бронзовых литых бубенчика (Рис. 3: 5 – 8); две бронзовые проволочные сережки (Рис. 3: 9, 10); фрагмент бронзовой сережки с подвижной привеской (Рис. 3: 11).

Размещение костей, сохранивших свой анатомический порядок, указывает, что умершие были уложены в выгнутом положении на спине ногами ко входу в погребальную камеру. При этом центральное место в камере было отведено под тело мужчины, о чем свидетельствуют следы присутствия топорика-чекана у

¹³ Аксенов В.С. Обряд обезвреживания погребенных в Верхне-Салтовском и Рубежанском катакомбных могильниках ... – С. 113.

западной торцевой стенки камеры и украшений ремешков обуви на стопах ног центрального погребенного. Вдоль южной (правой) боковой стенки камеры располагалось тело женщины, а вдоль северной (левой) боковой стенки лежала девочка-подросток.

Погребальный инвентарь катакомбы № 109, представленный личными украшениями (бусы, браслет, перстни, бронзовые спиралевидные пронизи), металлическими элементами одежды (штампованные бронзовые пуговицы, полусферические бронзовые нашивки) и предметами быта (железные черешковые ножи, топорик-чекан, кружка), находит самые широкие аналогии в салтовских древностях второй половины VIII – IX вв. Присутствие в погребальном комплексе украшений поясного ремня, позволяет определить время совершения данного захоронения. Детали поясной гарнитуры, представленные литыми бронзовыми бляшками (Рис. 3: 31), литой бляшкой с подвесным колечком (Рис. 3: 32), двумя штампованными бляшками (Рис. 3: 33, 34), литым наконечником пояса (Рис. 3: 35) типологически и стилистически характерны для II хронологического этапа салтовской культуры, датруемом концом VIII (с 790 г.) – началом IX вв.¹⁴ Эти временем, по-видимому, и следует датировать исследованный погребальный комплекс.

Рассматриваемая катакомба № 109 относится пока к одному из наиболее ранних погребальных комплексов Верхне-Салтовского IV могильника. Большинство катакомбных захоронений данного участка некрополя относится к началу – третьей четверти IX века. Косвенным подтверждением ранней датировки катакомбы № 109 в контексте хронологии данного участка некрополя является факт продольного расположения погребальной камеры по отношению к дромосу. Большинство погребальных камер на некрополях региона, датруемых второй половиной VIII – началом IX вв., также относятся к продольным¹⁵. Косвенно подтверждает предложенную датировку комплекса присутствие в нем бронзовых полусферических бляшек-нашивок (Рис. 3: 26). Подобные украшения одежды встречены в большом количестве пока только в комплексах второй половины VIII века (например: кат. № 5 Старосалтовского могильника)¹⁶.

Все выше сказанное позволяет считать, что впервые с момента начала исследования Верхне-Салтовского катакомбного могильника удалось констатировать неопровержимый факт неоднократного преднамеренного проникновения в погребальную камеру. При этом показательно присутствие двух разновременных входов-лазов в погребальную камеру, в сочетании с наличием в дромосе хода повторного проникновения, с отброшенным от входа каменным закладом, с анатомическим нарушением целостности людских костяков и изъятием из погребальной камеры отдельных людских костей и вещевого инвентаря. Рассматриваемый погребальный комплекс, по-видимому, следует рассматривать как свидетельство того, что преднамеренное проникновение в погребальные камеры в древности могло быть совершено, и совершалось, с разными целями (обезвреживание, осквернение, ограбление). В данном случае, по-видимому, первоначально в камеру проникли для совершения обряда обезвреживания погребенных людей, а спустя какое-то время – еще раз, но уже, вероятно, с совершенно дру-

¹⁴ Комар А.В. Предсалтовские и раннесалтовские горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // *Vita antiqua*. – К., 1999. – № 2. – Табл. 4, с. 132.

¹⁵ Аксенов В.С. Старосалтовский катакомбный могильник // *Vita antiqua*. – К., 1999. – № 2. – С. 127; Аксенов В.С. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // *Донская археология*. – Ростов-на-Дону, 2001. – № 1–2. – С. 62–63, 65.

¹⁶ Аксенов В.С. Старосалтовский катакомбный могильник ... – С. 144, рис. 3: 13.

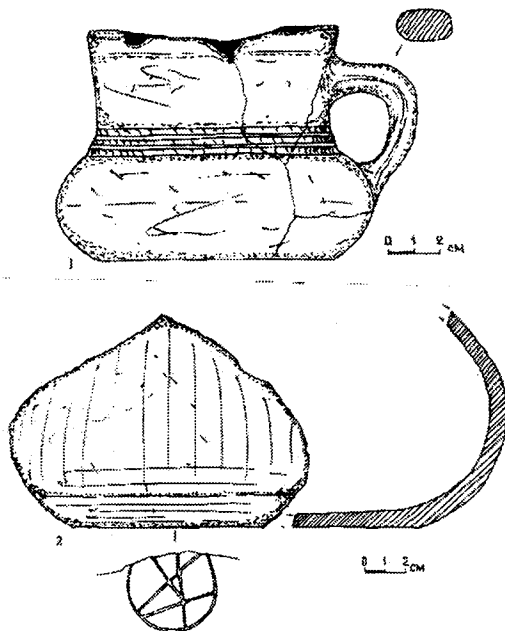

Рис. 4. Инвентарь катакомбы № 109. 1 – кружка из дромоса;
2 – фрагмент столового сосуда из погребальной камеры.

гими целями (осквернение/ограбление). Так, после совершения всех захоронений вход-лаз № 1 в погребальную камеру был закрыт каменным закладом. При этом камера была свободна от грунта. Спустя какое-то непродолжительное время через этот же вход было осуществлено преднамеренное проникновение в камеру с целью проведения каких-то постпогребальных обрядов (обряда обезвреживания погребенных). В результате этих действий каменный заклад был отброшен от входа в камеру, проникшие в камеру люди нарушили анатомический порядок костяков умерших, разбили один из сосудов с жертвенной пищей, а второй сосуд (кружку) извлекли из камеры и поставили перед закладом. После совершения этих действий, каменный заклад не был возвращен на свое первоначальное место, но вход повторного проникновения в камеру был преднамеренно засыпан. При этом часть грунта попала в погребальную камеру, перекрыв собой человеческие останки и оставшийся инвентарь. Об этом свидетельствует слой чистой светло-зеленой глины без инородных включений, перекрывавший дно хода повторного проникновения и закрывший отброшенный заклад, и вход в погребальную камеру. Линза светло-зеленой глины внутри камеры перекрывала большую часть ее пола и сохранивший анатомический порядок кости ног погребенных людей. Вход-лаз № 2 в камеру появился в результате еще одного преднамеренного проникновения в катакомбу. Люди, совершавшие новое проникновение в камеру, шли уже по засыпанному входу повторного проникновения. Докопав до слоя светло-зеленой глины, они, возможно, приняли его за дно дромоса

(на данном участке некрополя были отмечены случаи, когда погребальные камеры вырубались в слое плотной темно-коричневой глины, при этом полом служил уже пласт рыхлой светло-зеленой глины). По-видимому, не заметив заполненного такой же светло-зеленой комковатой глиной входа-лаза № 1, они прорубили свой вход погребальную камеру (№ 2). Высота данного входа (1,03 м) свидетельствует, что на момент прорубания входа № 2 погребальная камера была свободна от грунта почти на всю свою высоту. Нахождение костей в слое светло-зеленоватой глины и на ее поверхности указывает, что проникшие в камеру люди перекапывали находившийся там грунт и извлекали из него отдельные кости и, возможно, вещи. Извлеченные ими с пола отдельные кости и вещи оказались в слое заполнения погребальной камеры на уровне +0,13 – 0,23 м. Целью этого проникновения в погребальную камеру вряд ли было обезвреживание умерших, так как такой обряд производился родственниками умерших спустя непродолжительное время (от 1 года до 3 лет) после смерти и похорон. Поэтому, логичнее предположить, что новое проникновение в камеру было совершено чужими для умерших людьми, а, следовательно, и цель их была другая – осквернение/ограбление данного захоронения.

Таким образом, новые исследования катакомбного могильника аланского населения у с. Верхний Салтов показали, что катакомбы в древности могли подвергаться неоднократному преднамеренному вскрытию, при этом цель проникновения в захоронения была разной – и обезвреживание, и осквернение / ограбление. При этом выяснить настоящую цель повторного проникновения в погребальную камеру не всегда представляется возможным.